

Григорий РЕЙХМАН

ГЛАЗАМИ “ДЕТЕЙ ВОЙНЫ”

В Институте имени Трумэна Еврейского университета в Иерусалиме состоялась двухдневная международная научная конференция “Истории, воспоминания и наследие: еврейские беженцы и эвакуированные в СССР”

Организаторы конференции - Иерусалимский университет, Исследовательский Центр Невзлина по изучению еврейства России и Восточной Европы, “Клеймс Конференс” (Комиссия по материальным искам к Германии) и движение “За достойное будущее” (“Хазит а-кавод”). Программа форума была предельно насыщенной: за два дня заслушано не менее двух десятков научных сообщений, подготовленных историками, журналистами и общественными деятелями из Израиля, России, США, Германии, Латвии, Канады, Казахстана.

В первый день во время приветствия участникам конференции один из ее инициаторов, руководитель движения “Хазит а-Кавод” Александр Берман представил книгу “В тени Холокоста” на английском языке: в ней - воспоминания пожилых репатриантов, познавших более семи десятков лет назад тяготы и лишения эвакуации, бегства от наступавших гитлеровских войск, несших им, как евреям, тотальное уничтожение.

Израильяне были представлены такими научными учреждениями, как “Яд ва-Шем” (Аркадий Зельцер - “Реакция красноармейцев-евреев на антисемитизм в тылу”; Эстер Волошина - “Проект “Яд ва-Шем” по индексированию имен эвакуированных”), Еврейский университет (Зеев Левин - “Беженцы, эвакуированные и принимающая сторона”; Михаил Бейзер - “Тель-Авив-Москва-Томск: эвакуация глазами бывшей палестинской коммунистки Леи Трахтман-Пальхан”), университет “Бар-Илан” (Шви Зоар - “Два галахических респонса, отражающих реалии военного времени, Кызыл-Орда, 5702 (1941-42) годы”), архив “Джойнта” в Иерусалиме (Шахар Беэр, “Возвращение “Джойнта” в СССР: помощь евреям беженцам”). США представляли Музей Холокоста в Вашингтоне (Вадим Алкцан - “Нежеланные гости в собственном доме: возвращение украинских евреев в советскую Украину (1941-1945)”, ученые Массачусетского, Мэрилендского и Чикагского университетов; Германию - Центр иудаики (Берлин-Бранденбург) и Берлинский технический университет; Латвию - Латвийский университет; Канаду - Университет Торонто и т.д.

Весомо была представлена Россия. Достаточно отметить, что трое из выступавших - из Научно-просветительного Центра “Холокост” во главе с профессором РГГУ, сопредседателем Центра И.Альтманом (“Перемещение еврейских беженцев из Польши по территории СССР накануне войны: новые документы”), Кирилл Феферман (“Бежать или не бежать: колебания среди евреев Киева”), Леонид Терушкин (“Письма и дневники советских евреев о жизни в эвакуации”). Магнитогорский университет представляла Марина Потемкина (“Эвакуированные и евреи: стратегии выживания в условиях военного времени”); Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда - Александр Кутузов (“Эвакуация из Ленинграда”) и т.д.

Названия секций отражали содержание представленных на них сообщений: “Организационная деятельность, направленная на признание беженцев и эвакуированных”, “Источники и архивные собрания”, “Воспоминания и публикации” и т.п.

В рамках работы секции “Воспоминания и публикации” был презентован небольшой сборник воспоминаний “Как хочется жить! Война глазами ее “детей” (Изд. Beit Nelly Media, 2011). Автор-составитель - руководитель Герцлийского отделения Всеизраильского объединения Женидора Медник, собравшая материал на базе только одного (!) отделенно взятого хостеля. Книга выпущена в свет под эгидой муниципалитета Герцлии, минсоцобеспечения и Всеизраильского объединения выходцев из Украины.

“Дети войны” уже в пожилом возрасте написали о перенесенных ужасах, прожив с душевной травмой много лет и лишь теперь изложив на бумаге переживания военных лет. Сорок воспоминаний, сорок различных судеб... Общее горе - война, разрушившая мир детства, жизненный уклад и налаженный быт простых граждан еврейской национальности единой некогда страны, именуемой Советским Союзом.

У каждого из них была и своя война. Воспоминания неоднородны по информативности, и это закономерно: нет одинаково думающих и излагающих свои мысли людей. Этим тексты представляют интерес не только для историков, но и для политологов, психологов, медиков.

31 женщина, 9 мужчин... 38 автобиографических воспоминаний. Плюс два очерка: Марка Лисянского - об эвакуированной Фане Житниковой (Марголиной) и Маргариты Красильщик (урожденной Ульман) - о воевавших братьях Ульман. К сожалению, 11 участников проекта не указали ни года рождения, ни возраста на момент начала нацистского вторжения в СССР. Поэтому, исходя из текста, трудно составить представление о релевантности воспоминаний автора или использовании им рассказанного родителями. “География” выглядит следующим образом: Украина - 28; Белоруссия - 8; Россия - 3; Молдавия - 1.

Что интересует историка? Остатки еврейской жизни в СССР, которая была сметена лавиной германского нашествия и в большинстве своем уничтожена на местах. Увы, лишь из одного текста (воспоминаний автора-составителя Женидоры Медник) явствует, что эвакуируемая семья знала только один язык - румынский, хотя носителями еврейских традиций и идиша могли оказаться и другие семьи - Хаи Думбровской из Хойников (Гомельской области), наверняка учившейся в школе на “маме-лошн”; уроженки Чернигова Марии Хатуцкой (1924 год рождения), других выходцев с Украины и Белоруссии. Этот пласт информации нам уже не “дополучить”, ибо авторы, к сожалению, уходят в мир иной...

Где, как началась их война? В какой обстановке решалась еврейская дилемма “бежать или остаться”? Как проходила эвакуация в советский тыл? Органи-

зованная эвакуация вместе с советскими предприятиями или бегство? Запомнился ли маршрут?

Кейле Маранц было в ту пору пять лет: “В 1939 году мы переехали жить в город Львов. Папа работал главным бухгалтером на фабрике, мама - домохозяйка, еще был старший брат и я. В первых числах июля 1941 года немецкие фашисты были по дороге на город Львов. Дядя Миша, брат отца, офицер Советской армии, успел подъехать к дому с большим грузовиком, и мы вместе с дядиными родителями погрузились в него. Был солнечный, теплый день. Мы выехали из своей шикарной квартиры в никуда...”

Марие Чечик (урожденной Хейман) только исполнилось шесть лет: “Война нас застала в Мозыре. Нас было трое детей: мне - шесть лет, сестре - три года и брату - год. Мы с сестрой ходили в детсад. Я хорошо запомнила наш детсад на гористой местности, во дворе было вырыто бомбоубежище. И по сигналу “военная тревога” нас по ступенькам спускали в бомбоубежище. Если мы оказывались дома, то шли к соседям в погреб. Уже шла война, летали немецкие самолеты и бомбили.

Мои дед и бабушки не хотели эвакуироваться. Говорили: “Кому мы, старики, нужны?”. И, конечно, погибли. Мамина сестра с двумя детьми бежала из Минска, попала под бомбежку и погибла. Ее муж ушел на фронт и тоже погиб.

Нас отец успел эвакуировать. Мы ехали в поезде, над нами летали немецкие самолеты и бомбили. На некоторых остановках мать успевала выскочить и набрать теплую воду, помыть нам головы, чтобы мы не завшивели. Ехали долго...”

Арон Гуревич эвакуировался из Киева в 11 лет: “Через несколько дней после начала войны отец был призван в Красную армию и направлен на курсы переподготовки политруков. Начальство курсов предоставило семьям курсантов две открытые грузовые автомашины для эвакуации. Т.к. они были полностью загружены людьми, то на семью разрешалось взять только один небольшой рюкзак. Наша семья состояла из мамы, бабушки, меня и моих младших брата и сестры”.

Примеры можно отнести, с одной стороны, к организованной советскими властями эвакуации (24 июня 1941 года, во второй день после начала Великой Отечественной войны, был создан государственный орган - Совет по эвакуации при СНК СССР), когда предприятия вместе с людскими ресурсами эшелонами в спешном порядке перебрасывались на восток. Эвакуировались и семьи комсостава Красной армии, как в случае с семьей Кейлы Маранц и Арона Гуревича. Но воспоминания Маранц нуждаются в уточнении - 30 июня 1941 года немецкие войска уже были во Львове, оставленном Красной армией 26

июня. Следовательно, спасительное для семьи Маранц бегство могло состояться примерно 24-25 июня.

Кейла Маранц: “Некоторые родственники остались в Проскурове, не хотели покидать свои дома, и, конечно, погибли от рук немецких оккупантов. Они не верили, что немцы могут оказаться зверьми, убивать мирных граждан”. В семье беженки из Киева Берты Резник, которой едва исполнилось четыре года, возобладала мудрость главы семьи: “Мой отец посадил нас всех (двух женщин с тремя детьми) на машину, увозящую на вокзал, на последние эшелоны. Мама взяла с собой маленький чемоданчик с детскими вещами, но отец все вещи из машины выбросил: “Надо спасать людей!”. Он долго держал меня на руках, словно чувствовал, что прощается навсегда”.

Были и другие причины, по которым многие надеялись переждать войну на занятых немецкими войсками территориях - старшее поколение еще помнило о терпимом поведении немцев в годы Первой мировой войны. С другой стороны, очевидно, далеко не во все регионы советской Украины и Белоруссии попадали сотни беженцев из Польши, носители достовернейшей информации о нацистском “новом порядке” по отношению к евреям. Можно полагать, что семьи спасались, в первую очередь, от тягот войны и бомбежек, но на поверку оказалось - от неминуемого геноцида. “Были еще причины, мешавшие своевременной эвакуации - это, с одной стороны, запрет властей покидать рабочие места и города, с другой - страх перед репрессиями со стороны НКВД, ну и, конечно же, законопослушность граждан,” - заметила участница конференции, историк из Магнитогорска Марина Потемкина, аргументировав свой довод соответствующими документами; с ней трудно было не согласиться...

Наряду с организованной эвакуацией было повальное бегство мирного населения от ужасов воздушных налетов, войны как таковой. Поистине апокалиптическая картина ночи с 23 на 24 июня в Минске дана Юрием Фрайманом (9 лет): “В городе ночью было очень беспокойно: видны пожары, слышались какие-то разрывы. А наутро началось совсем страшное - налетели немецкие самолеты и стали бомбить город. Мы находились в самом центре, сад стал заволакиваться дымом от пожаров. И мы побежали...”

Во многих воспоминаниях можно найти схожие описания об авианалетах, о глазах немецких летчиков. Хася Шустерман (10 лет, Житомирская область): “Всю дорогу нас бомбили. Вагоны были переполнены людьми. По дороге многие загорались. Мы задыхались от дыма и от того, что вагоны были переполнены. Прыгнули с горящего поезда и скатились в лесок, который был недалеко. А по нам в это время строчил вражеский самолет. Когда бежали, Хана упала

на нашего знакомого Мера. Он был уже мертвым. Через некоторое время мы вернулись к нашему поезду. Сели в него и продолжали ехать.”

Можно представить и основные маршруты беженцев. Конечными стали населенные пункты республик Средней Азии и города Сибири - глубокий советский тыл. Для некоторых авторов воспоминаний эвакуация или бегство от наступавших нацистов проходили, можно сказать, в два этапа: летом 1941 и летом 1942 годов, когда немцы начали большое наступление на юге, стремясь выйти к бакинской нефти и к Волге в районе Сталинграда.

Нинель Зиновьева (6 лет, Речица, Белоруссия): “Голодные, совсем без сил, мы оказались где-то недалеко от Сталинграда... Уехать из Сталинграда было почти невозможно. Город бомбили, был кошмар. Мама с кем-то договорилась, и мы ночью выкрали бабушку (бабушка была ранена - прим. Г.Р.) через окно. Ее не выпускали. Подогнали тачку, мама влезла и вытолкала бабушку в окно. С тачкой мы бежали к поезду, который вез в тыл раненых, и только сели на подножку - поезд поехал...”

А далее - вопросы выживания по прибытии в глубокий тыл... Лиля Дашевская (6 лет, Ростов-на-Дону): “Мы сошли с парохода в местечке Алкабас. Там жили башмачники. Они очень издевались над эвакуированными... Люди работали на хлопковых полях. Целыми днями ничего не ели. Там же они умирали. Нам не давали кушать. Я сильно заболела тифом, а моя мама заболела пеллагрой. На подводе нас отвезли в Ташкент и там положили в больницу. Мы были опухшие от голода и болезней.”

Повседневный быт, тяжелый труд родителей. Голод, холод, болезни. Детская смертность. Некоторые из детей лишились ушедших на войну отцов, старших братьев, сестер... “Дети войны” выживали в большинстве случаев благодаря своим “аидише мамэ” - те делали невозможное, рискуя свободой и жизнью, чтобы спасти малышей от голодной смерти. Многие матери, пережив потерю одного из детей, а порой и мужей, ушедших на фронт или в трудармию, оставались один на один с проблемой не только собственного физического выживания, но и спасения единственного ребенка...

Каково было отношение к беженцам со стороны властей? Испытали ли “дети войны” на себе антисемитизм и ксенофобию местного населения по отношению к “чужакам”?

Мария Чечик, попавшая в Стерлитамак (Башкирия) и потерявшая на фронте в 1943 году отца: “Мама определила нас с сестрой в детсад. Ходили туда босиком и в дождь, и в холод. Ни о каких фруктах и ягодах речи не было. С детского сада нас водили в госпитали, с са-

модеятельностью. Женщины, наши мамы, что-нибудь варили и набивали кисеты махоркой для раненных солдат. А с госпиталя приносили солдатские прострелянные зимние шапки. Мамы шили и возвращали обратно. Все это сохранила моя память. Там пошла в первый класс. Там, в городе, впервые услышала слово “жидовка”...

Леонид Вудин вспоминает об инциденте в эвакуации в Чкаловской области: “Однажды ночью какие-то пьяные мужики пытались проникнуть в наш домик, крича, что убьют жидов. Они чуть было его не разнесли. Мы запомнили этот страх на всю оставшуюся жизнь. Нас хотели уничтожить. Но все же не смогли к нам проникнуть. После этого случая нас переселили в квартиру в самой деревне.”

Да, случаи ксенофобии и антисемитизма были. Но в то же время было и другое отношение к тем, кто спасал свои жизни. Киевлянка Берта Резник помнит: “Был Челябинск, Троцк, Карабалты, Узбекистан. Нас приютили добрые люди, дали кое-что из одежды...” Мария Хатушкая из Чернигова: “Когда в апреле 1944 года мы уезжали, нас до станции 12 километров провожали соседи...” Дмитрий Виноградов (4 года, Одесса): “Попали (иног определения нет) в Челябинск. Там жили в хате, хозяйка которой, виде, как голодаем, заносила для меня тарелку супа. Этим супом кормилась вся семья. Не помню этой женщины, но спасибо ей. Впоследствии мои родные работали на Челябинском военном заводе...” Побеждала человечность, осознание войны как общей беды, не выбиравшей национальности.

Возвращение из эвакуации - травма,

связанная с Холокостом: родные и знакомые уничтожены; с другой стороны, вернувшиеся из эвакуации еврейские беженцы в покинутых ими городах и поселках были встречены весьма и весьма враждебно.

Иза Лейвант (возраст к началу войны не указан, Одесса): “По возвращении в город после его освобождения мой отец составил список погибших соседей-евреев, оставшихся в городе. Их оказалось 169 человек. В Одессе погибли моя бабушка, тетя, две двоюродные сестры и двоюродный брат, много друзей и знакомых”. Берта Резник рассказывает о суицидальной попытке матери в эвакуации как реакции на вест о гибели родных в Украине. Что касается возвращения, об этом достаточно красноречиво свидетельствует Хася Шустерман из Житомирской области: “Когда приблизились к нашему дому - увидели, что он занят другими людьми. Они нам угрожали топорами и кирпичами: “Уходите! Вам здесь делать нечего. Мы захватили ваш дом и не отдадим”... На пару ночей нас приютили соседи. Наш дом был

рядом с военкоматом. Когда сестра в 1945 году вернулась с фронта и узнала, что мы находимся на улице, она пошла в военкомат и рассказала о нас. Ей дали солдат. Солдаты подошли к захватчику, и нас вселили в квартиру. А их предупредили, что если хотя бы один волос упадет с наших голов, они будут наказаны. Так мы остались жить в нашем доме”...

Интерес представляет литературное осмысление событий войны Лаурой Лурье. Документальный очерк Маргариты Красильщик (урожденной Ульман) снабжен фронтовыми фотографиями отца и дяди, их фронтовой перепиской и отцовским дневниковыми - записями мая 1945 года - из личного архива. Говоря об оформлении, замечу, что уникальных фото и других документов из домашних архивов использовано до обидного немного - в воспоминаниях Женидоры Медник, Марии Чечик, Льва Скоморовского (детское фото с бабушкой “блокадника”). Не сохранились у остальных авторов? Или просто не использованы при подготовке издания к печати?

Жаль, что отрывочно представлен бывший сопровождающий эвакуационного эшелона Яков Вахман, хотя подзаголовок к материалу многообещающий - “Моя автобиография”. Не богаты фактами очерки, принадлежщие Льву Хаймовичу (не указана исходная точка эвакуации и лишь из текста можно понять, что в к началу войны ему было четыре года) и Раисе Поляковой. А ведь судьба Поляковой, студентки Киевского мединститута, эвакуированной в Челябинск, потерявшей в Бабьем Яру родителей, воевавшей и дошедшей военврачом до Берлина, достойна отдельной

книги. К моменту издания сборника ей должно было исполниться 92 года.

Почему подобные издержки происходят при подготовке “книг-памятников”, предназначенных для передачи бесценной информации будущим поколениям? Ответ лежит на поверхности. Я позволил себе высказать на конференции далеко не бесспорную позицию: написание воспоминаний без посторонней помощи - не просто дань жанру, но и своего рода наука (как, впрочем, и презентация устных воспоминаний), и это доступно далеко не всем. Много важного и интересного, детали и подробности, которым человек не придает значения, так и не всплывут из глубин памяти, не лягут на лист бумаги или на дисплей компьютера, если память не “стимулировать”, не заставить ее “работать”, пока респондент помнит. “Тогда это уже не воспоминания, - сказал один маститый ученый из Иерусалимского университета, - Это уже другой жанр...” Согласен. Но ведь дело не в терминологии, а в конечном результате - появлении на свет исторически достоверного документа.

Независимый исследователь из Германии, историк и создатель сборника воспоминаний еврейских беженцев, живущих в Германии, Аркадий Цвасман рассказал, что при отборе материалов занимался не только публикацией, но и проверкой источников, благодаря чему отсеялись некоторые “авторы”, приписывавшие себе не существовавшие в реальности страдания...

Что касается книги, то при всем глубочайшем уважении к автору проекта, хочу заметить: уговорив людей поделиться воспоминаниями, она, увы, не привлекла к работе с ними владеющего темой профессионала-историка. Пожилые люди писали воспоминания без “наводящих” вопросов специалистов по устной истории, тех, кто смог бы “выудить” у каждого крупный источник информации об отношении властей, например, о трудоустройстве родителей, об обеспечении крыши над головой - в интересах их же работы на оборону страны. Но этого не было сделано. А такого рода упущения оборачиваются невосполнимыми потерями целых пластов истории. Нашей с вами истории...

Возможно ли избежать подобного? Разумеется. Пример - подготовка сборника “Эвакуация” в 2009 году, инициатором выпуска которой стала общественная организация “Хазит а-Кавод” и Ассоциация ученых-репатриантов во главе с Александром Берманом и Абрамом Шарнопольским, когда со свидетельствами работала журналист Алла Никитина, а автором послесловия стал историк Леонид Смиловицкий. Профессионалы приложили руку и к подготовке воспоминаний бывших узников нацизма “Помни!” (составитель Л.Кессельбрэннер, редактор Д.Школьник).

Это вовсе не означает, что я призываю прекратить работу над сборниками воспоминаний “детей войны”. Наоборот, важно продолжать, “пока есть у кого спросить”. Но хочу напомнить всем, кто стремится сохранить память - не бойтесь просить помощи у профессионалов, используйте при публикации воспоминаний фото не из интернета, а из своих домашних архивов.

Иначе в будущем вопросов к прошлому у историков будет больше, чем полученных на примере той же книги достоверных ответов...